

Тереза Энн Фаулер

Тереза Энн Фаулер

Z — значит Зельда

АСТ
МОСКВА

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 28

Серия «XXI век — The Best»

Therese Anne Fowler

Z: A NOVEL OF ZELDA FITZGERALD

Перевод с английского *Е.Д. Сыромятниковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Wendy Sherman Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Фаулер, Тереза Энн.
Ф 28   Z — значит Зельда: роман / Тереза Энн Фаулер; [пер.
с англ. Е. Д. Сыромятниковой]. — Москва : АСТ, 2015. —
415, [1] с. — (XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-080156-5

Зельда Фицджеральд.

Одна из самых красивых и ярких женщин «эпохи джаза».

Жена и муза крупнейшего писателя «потерянного поколения».

Ее имя стало символом экстравагантности и элегантности.

История жизни Зельды Фицджеральд овеяна столькими легендами,
что понять, какой она была на самом деле, очень сложно.

Тереза Энн Фаулер совершила невозможное — дала «подлинной»
Зельде рассказать собственную историю!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Therese Anne Fowler, 2013
© Перевод. Е.Д. Сыромятникова, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-080156-5

Пролог

Монтгомери, Алабама

20 декабря 1940

Дорогой Скотт!

«Любовь последнего магната» — замечательное название для романа. А что говорит Макс?

Я подумала, вдруг я наберусь смелости для перелета и приеду проведать тебя на Новый год. Если сможешь, вышли мне деньги на билет. Презабавная парочка из нас получится — ты с больным сердцем и я с больной головой. Но вместе, возможно, мы сложим что-то стоящее. Я привезу тебе сырных крекеров, которые ты всегда так любил, а ты будешь читать мне то, что успел написать. Я знаю, это будет чудесный роман, Скотт, твое лучшее произведение на сегодняшний день.

Письмо вышло короткое, так что я успею отправить его сегодня до закрытия почты. Не затягивай с ответом.

Твоя преданная

Z.

Если бы я могла втиснуться в щель почтового ящика, то отправилась бы вслед за письмом в Голливуд, прямо к Скотту, на порог нашего нового будущего. Оно у нас всегда было новое, так почему бы не приступить к очередному

прямо сейчас? Если бы только люди могли путешествовать так же легко, как слова! Вот было бы здорово! И если бы нас можно было так же легко исправить!

Звеня ключами, подходит почтмейстер — пора закрывать контору.

— Как дела, мисс Сейр? — интересуется он, хотя прекрасно знает, что с 1920 года я — миссис Фицджеральд.

Он настоящий алабамец, этот Сэм, «Сейр» произносит как «Сей-йе». А вот я научилась выговаривать эти рокошущие согласные, долго прожив вдаль от дома.

Я прячу руки в карманах и направляюсь к дверям.

— Все в полном порядке, Сэм, спасибо. Надеюсь, у вас тоже.

Он придерживает мне дверь.

— Бывало и похуже. Доброго вечера.

И у меня бывало и похуже. Намного хуже, и Сэму об этом известно. Как и остальным жителям Монтгомери. Я ловлю на себе их пристальные взгляды — на рынке, на почте, в церкви. Слышу шепотки о том, что я спятила, мой брат спятил... мол, печально наблюдать, как дети судьи Сейра разрушают его наследие.

— Это все от их маменьки, — шепчут они, хотя матушка, чей главный порок — происхождение (она приехала из Кентукки), была ничуть не безумнее любого из них. Но это, как я теперь понимаю, не так уж много значит.

На улице солнце уже опустилось за горизонт, устав от этого дня, от этого года, готовое, как и я, начать все сначала. Как скоро Скотт получит мое письмо? Как скоро я получу от него ответ? Если бы могла, то завтра же купила бы билет на самолет. Пришло время мне заботиться о нем.

Время...

Когда-то у нас его было в избытке — настолько, что мы растрачивали его, проводя дни в похмельном тумане и встречаясь с людьми, которых я давным-давно позабыла. Теперь

же оно превратилось в драгоценность, какую мы и представить себе не могли. Слишком много дорогих нам людей потерпели крах или погибли.

От катастрофы человека защищает лишь везение. Не любовь. Не деньги. Не вера. Не чистое сердце и добрые дела. Впрочем, и дурные тоже не спасут. Любого из нас могут подкосить, растоптать, унижить, уничтожить.

Взять, к примеру, меня. До апреля этого года, когда переехала сюда, к маме, я провела шесть лет, сменяя одну лечебницу за другой, в тщетных попытках вылечить изломанный разум и подавленный дух. Скотт тем временем скитался по отелям и гостиницам в разных городах, всегда неподалеку от меня. Но однажды Голливуд снова поманил его, и я заставила Скотта отправиться туда. Везения ему это не прибавило: вот уже три года, как он борется с алкоголем и с руководителями студий. В начале месяца пережил легкий сердечный приступ.

Подозреваю, он нашел себе кого-то в Голливуде, хотя продолжает мне писать, и заканчивает каждое письмо неизменным «С нежной любовью...» Я всегда пишу «Твоя преданная...» Даже сейчас, когда вот уже шесть лет мы живем порознь, когда он, должно быть, озаряет своим сиянием какую-то обожательницу, несомненно верящую, что спасла его, мы оба пишем эти слова совершенно искренне. Это то, что есть у нас сейчас, это мы, какие есть. Многое прошло — хорошее и плохое.

Милдред Джеймсон, которая учила меня шить, когда я только поступила в старшие классы, окликает, когда прохожу мимо ее крыльца:

— Эй, Зельда, когда же твой дружок вернется за тобой?

В этом городке мы, Скотт и я, знамениты. Местные следили за каждым поворотом нашей истории, вырезая заметки о нас из газет, разглагольствуя о событиях и дружеских связях, столь же воображаемых, как в наших книгах. Слу-

хи нельзя прекратить, с ними нельзя даже бороться, так что волей-неволей учишься подыгрывать.

— Он пишет новый киносценарий, — отвечаю я.

Это звучит сексуальней, чем правда: что он покончил с киностудиями — утверждает, что раз и навсегда, — и работает только над книгой.

Милдред подходит к перилам.

— Но нельзя же еще одно Рождество провести порознь! — Ее седые волосы заколоты шпильками и окутаны газовым шарфом. — Скажи ему, пусть поторопится, Бога ради. И пусть впишет в фильм этого красавчика Кларка Гейбла. Господи, до чего я люблю Ретта Батлера!

— Передам, — киваю я.

— Обязательно передай. И пускай поторопится! Никто из нас тут не молодеет.

— Уверена, он работает настолько быстро, насколько может.

В 1928-м году в Париже, на званом ужине в честь Джеймса Джойса, Скотт сетовал, что «Гэтсби» продается вяло, а за новую книгу никак не получается взяться. Джойс тогда сказал, что его новый роман тоже продвигается медленно и он надеется завершить его через три-четыре года.

— Годы! — не уставал восклицать после этого Скотт, еще не догадываясь, что между «Гэтсби» и его следующим романом пролягут девять странных и беспокойных лет.

Сейчас снова прошли годы — шесть лет, но я убеждена, что этот роман он скоро закончит. После всего, что ему пришлось пережить: после всех разочарований и оскорблений — этот роман возродит его. И для читателей, и для самого себя.

На днях он написал мне:

Я нашел название: «Любовь последнего магната». Как тебе? Между тем я дочитал Эрнестово «По ком звонит

колокол». Не так хорошо, как прошлое его творение, поэтому в Голливуде за него дали больше ста тысяч. Прибавь к этому еще пятьдесят кусков, которые он получит за «Книгу месяца»... Да он будет просто купаться в деньгах. Нам такое и не снилось (хотя прикидывались мы знатно). А ведь раньше он не мог позволить себе ничего роскошней ветхой квартирki над лесопилкой в Париже, помнишь?

Эрнест... Скотт считает, что сейчас мы все в равном положении — он, Хемингуэй и я. Сказал, что ему прислали подписанную книгу: «Скотту, с любовью и уважением». Он был очень доволен. Я могла бы ответить, но не стала, что Хемингуэй может позволить себе быть великодушным. Почему бы и нет, если мы все сейчас, по его меркам, заняли положенные места?

Скотт продолжал:

Только что наткнулся на членскую карточку Загородного клуба Монтгомери 1918 года на имя лейтенанта Ф. С. Фицджеральда... Помнишь такого? Смелый, рискованный, романтический бедолага. Он был без памяти влюблен в писательство, в жизнь и в одну дебютантку из Монтгомери, которую все ребята помельче считали недостижимой. Его сердце так до конца и не оправилось.

Интересно, мы с тобой уже совсем пропали? Общество считает именно так, но у тебя были хорошие восемь месяцев после больницы, да и мое положение потихоньку улучшается. Я с прошлой зимы ни капли не выпил, представляешь?

Но Зельда, чего бы мы ни отдали, чтобы вернуться к началу, снова стать теми людьми, для которых будущее было таким свежим, таило столько обещаний, что казалось, просто невозможно все испортить, да?

Помоги мне Господь, я соскучилась.

Хотела бы я сказать всем, кто считает, что мы пропали, кто верит, что Скотт окончательно выжат, а у меня в голове жмутся друг к другу промокшие мыши: «Присмотритесь!»

Присмотритесь и вы увидите нечто необыкновенное, загадочное, подлинное. Мы никогда не были теми, кем казались.

ЧАСТЬ 1

*Только перестав касаться дна, узнаешь,
насколько ты высок.*

Т. С. Элиот

Глава 1

Представьте раннее пасмурное субботнее утро. Конец июня 1918 года. Монтгомери облачается в свое лучшее весеннее платье и благоухает изысканными цветочными духами — наряд, который и я собиралась надеть вечером того дня. Наш дом, просторное здание в викторианском стиле на Плезант-авеню, был окутан облаком крошечных белых цветов жасмина и роскошных пурпурных выюнков. Птахи, собравшиеся на ветвях большой магнолии, заливались во весь дух, будто пробовались на сольные партии в воскресном хоре.

Из окна на нашей черной лестнице я видела, как мимо ковыляет кляча, тянущая за собой дребезжащий фургончик. За ним шли две цветные женщины, криками оповещая окружающих о своем товаре.

— Свекла! Горошек! Репа! — голосили они, перекрикивая птиц.

— Эй, Кэти, — позвала я, заходя в кухню. — Там Бесс и Клара, слышишь?

На широком деревянном столе красовалось блюдо, накрытое кухонным полотенцем.

— Без добавок? — с надеждой спросила я, выжививая из-под салфетки крекер.

— Нет, с сыром. Ну-ка, не морщитесь. — Кэти открыла дверь, чтобы помахать подругам. — Сегодня ничего не нужно! — крикнула она. — Нельзя же есть персиковое варенье каждый день, — добавила Кэти, обернувшись ко мне.

— Старая тетушка Джулия говорила, только его сладость и спасает меня от обращения к дьяволу. — Я откусила кусок печенья и спросила с набитым ртом: — Лорд и Леди еще спят?

— Оба в гостиной, что, полагаю, тебе известно, поскольку ты воспользовалась черной лестницей.

Я отложила печенье, чтобы подвернуть пояс юбки еще раз, оголяя лодыжки еще на дюйм.

— Вот.

— Может, все-таки стоило достать вам варенья, — покачала головой Кэти. — Надобно, по крайней мере, надеть туфли.

— Слишком жарко, и дождь собирается. Туфли промокнул, у меня сморщатся пальцы на ногах, облезет кожа. Тогда точно придется ходить босой, а это никак нельзя — сегодня вечером я танцую соло.

— Появись я на публике в таком виде, матушка меня бы выпорола, — усмехнулась Кэти.

— Не выпорола бы, тебе тридцать лет.

— Думаешь, ее бы это остановило?

Я подумала о том, как мои родители все еще опекали и поучали моих трех сестер и брата. А ведь все они были по меньшей мере на семь лет старше меня, состоявшиеся взрослые люди с собственными детьми. Все, кроме Розалинды. Мы называли ее Тутси. Тутси и ее муж Ньюман, который воевал во Франции, как и Джон, муж нашей сестры Тильды, не торопились обзаводиться детьми. Или дети не торопились у них появляться. Еще я вспомнила, как бабушка Музидора, когда жила с нами, без удержу давала наставления моему отцу обо всем: от стрижек до судебных вердиктов.

Значит, нужно просто убраться от родителей подальше и не возвращаться.

— Ну, неважно. — Я отступила к задней двери, сулящей спасение. — Пока меня никто здесь не заметил...

— Детка! — Я подпрыгнула от звука маминого голоса, донесшегося от двери за нами. — Где твои чулки и туфли?

— Я как раз собиралась...

— ...вернуться в свою комнату и одеться. Не вздумай отпрапляться в город в таком виде!

— Простите, — воскликнула Кэти, — я только что вспомнила: у нас заканчивается репа.

Она быстренько скрылась.

— Я и не собиралась в город, — соврала я. — Иду в сад. Хочу порепетировать перед сегодняшним выступлением. — Я вытянула руки и сделала изящное плие.

— Да, прелестно, — кивнула мама. — Но уверена, на репетиции нет времени. Разве ты не говорила, что собрание Красного Креста начинается в девять?

— А который час? — Я обернулась и посмотрела на часы, которые показывали без двадцати девять. Бегом бросилась мимо мамы к лестнице. — Мне надо обуться и выходить!

— Умоляю, скажи, что ты надела корсет! — крикнула она мне вслед.

Тутси сонно моргала на верхней лестничной площадке, все еще в ночной рубашке и с растрепанными волосами.

— Что происходит?

Когда Ньюман осенью отбыл во Францию, чтобы сражаться под началом генерала Першинга, Тутси вернулась домой и поселилась здесь до его возвращения.

— Если он вообще вернется, — мрачно заявила она, заработав строгий взгляд от папы, которого мы все называли судьей, потому что он был верховным судьей штата Алабама.

— Прояви гордость, — пожурил он Тутси. — Каким бы ни был исход, служба Ньюмана делает честь всему Югу.

— Во имя всего святого, на дворе двадцатый век, папочка! — выдала она.

Сейчас я ответила ей:

— Ее высочество считает, моему наряду не хватает еще одного слоя.